

Игорь Шестков "Абсент"

АБСЕНТ

У ВОСЬМИ ОЗЕР

Ленинградская область. Дом отдыха «У восьми озер».

Лето не помню какого года. Но помню, что баскетбол, теннис, плавание, кинофильмы про шпионов, лук и стрелы, казаки и разбойники, мороженое и шоколад, Конан Дойл и Луи Буссенар – меня интересовать перестали.

По моим нервным волокнам ходили волны похуже японского цунами. Они легко уничтожали все то, что советская школа, пионерия и комсомол успели во мне построить. Мой член стоял часами без всякой причины, как бы сам по себе... с кончиков пальцев сыпались искры, из ушей шел пар, и я всерьез боялся, что превращусь в дьявола и начну летать по небу и жрать людишек как птица насекомых.

Мои родные не замечали моего состояния. Сердились только на то, что я перестал с ними разговаривать, грубил и убегал из дома. Учителя... Помощи ждать было неоткуда.

Через открытые ворота ко мне пришел разврат, грозя и вовсе сбить с копыт неоперившегося юнца. Но не сбил. Скорее, наоборот...

Разврат этот принял форму симпатичной интеллигентной женщины средних лет. Одним чудесным солнечным утром, в яблоневом саду, на берегу одного из восьми озер... она подошла ко мне, улыбнулась обворожительно и всепонимающе, но не без дружеской иронии и откровенного интереса к моей, сгорающей заживо в пубертетном синем огне, персоне, потрепала меня по вихрам своей немолодой уже рукой – на ее слегка подпорченных подагрой пальцах было надето не менее дюжины золотых колец, купленных явно не в СССР – и сказала: Я Лидия Минская, переводчица с английского и французского. Моего мужа зовут Михаил Иосифович, он профессор МИМО. Но для тебя мы – тетя Лида и дядя Миша. Я знавала твою бабушку и деда еще в пятидесятых. Тебя, Гошенька, помню еще младенцем. Ты был такой милашкой.

Кудри до плеч. Да... На отдыхе мы – преферансисты. Хочешь, поучим тебя этой прекрасной игре? Тогда приходи к нам, в комнату 58. Через пятнадцать минут. Да, бабушке можешь об этом и не рассказывать. Боюсь, она не обрадуется. Пусть это будет нашим секретом... Понимаешь?

«Понимаешь» она сказала, понизив голос до чувственного кошачьего урчания, но пожалуй слишком аффективно. Я мгновенно насторожился, но затем мой взгляд случайно упал на глубокое декольте ее пестрого ситцевого платья, не скрывавшее полную ухоженную грудь, и по всем моим ганглиям пробежала электрическая волна такой силы, что думать я не мог и на предупредительный сигнал интуиции не отреагировал.

– Понимаю.

– Придешь?

– Приду.

– Приду, тетя Лида?

– Тетя Лида.

Знакомство с «преферансисткой» и ее многообещающее приглашение меня обескуражило. Интуиция посылала мне сигнал за сигналом – опасность-опасность-опасность! А желание отвечало вяло: А чего ты боишься-то? Тетю Лиду? Нашел кого бояться. А преферанс – игра умных людей...

Интуиция моя знала, что желание хочет вовсе не преферанса. А желание лгало само себе, стреляло во все стороны цветным фейерверком, только не в ту сторону, в которую мне хотелось выстрелить больше всего – между ног тети Лиды.

Зачем природа заставляет нас самих себя бесконечно обманывать? Придумывать хитроумные отговорки? Хвататься за такое большое количество соломинок, что из них можно было бы собрать Босховский «Стог сена»? Что за путаница?

Откуда этот вечный ложный стыд?

Почему я не мог просто сам себе сказать: Тебе нравится эта тетя Лида. Ты хочешь вступить с ней в половую связь. Так сильно, что штаны трещат и шаровые молнии летают. Сейчас ты пойдешь к ней и сделаешь то, что ты так хочешь.

Почему-почему... Потому что так был воспитан. Как так? А по-советски. Одно

вранье ехало на другом вранье. И погоняло.

...

Через четверть часа я постучал в комнату 58.

Сюрприз! Открыл мне мужчина. Дядя Миша.

– Что вам угодно?

Голос спокойный, низкий, благородный.

Высокий, полный, старше тети Лиды. В заграничных светлых шортах из мягкой ворсистой ткани и пестрой свободной рубашке. Босой. Ноги холеные. На левой руке – дорогие золотые часы. На правой – несколько золотых же браслетов.

Роговые очки. Внимательные глаза. Я сразу заметил, что что-то было в них не то. Соблазн.

Тут к дяде Мише подошла тетя Лида и, ласково положив ему голову на плечо, что-то прошептала на ухо. Милый...

Дядя Миша мгновенно надел на лицо маску гостеприимного хозяина.

Профессора, приглашающего студентов в аудиторию, для того, чтобы прочесть им лекцию о Кафке и Музиле. Лучащегося мудростью и доброжелательностью.

Вошел.

Комната особого впечатления на меня не произвела. Двухспальная кровать.

Шкаф. Круглый карточный столик. Три стула. На столике – карты, изумрудно-зеленая бутылочка затейливой формы и три хрустальных бокала. Маленькое сито. Несколько кусков сахара. Кувшин с питьевой водой.

Меня пригласили сесть за стол. Я сел, и хозяйева сели.

И тут же дядя Миша разлил в бокалы какую-то зеленоватую жидкость из бутылки... ликер? Потом положил сахар в сито и потихоньку долил в бокалы воду из кувшина, через сахар.

Поднял свой бокал, сверкнувший на солнце голубым и желтым, и провозгласил:

Будем здоровы и счастливы, друзья! Выпьем за Солнце, за этот прекрасный день, которое оно нам подарило, за новое знакомство и счастье в его переливающихся лучах, за радостное соитие тел и за божественный полный преферанс!

Дядя Миша поиграл бокалом в солнечных лучах... тетя Лида сжала руки на груди, восторженно глядя на своего мужа.

Я еще не успел удивиться, как они уже выпили содержимое своих бокалов. Отставать не хотелось... я тоже радовался новому знакомству, Солнцу, преферансу и «соитию тел»... выпил зеленую жидкость маленькими глотками... и сразу почувствовал тупой удар в голову... Жидкость эта была крепка. Мне показалось, что солнечные лучи, «косою полосой шафрановой от занавеси до дивана» вдруг обвилились вокруг моей шеи, как теплый ласкающий шарф из света... в глазах засверкали золотые струны... они начали переплетаться, превратились в металлические колосья как на фонтане в ВДНХ... я чуть не упал со стула, но удержался и стал смотреть на то, что делает дядя Миша. А он взял в руки карты и начал их тасовать. Потасовал и разложил колоду по столу длинной лентой, рубашками вверх. И попросил: Открой, Гоша три карты. Не слушающейся рукой я открыл ему три карты. Все они были червовыми дамами. И тут... все три дамы вылезли из своих карт и, взявшись за руки, начали вшестером танцевать какой-то странный менуэт с поклонами и реверансами. Откуда-то вынырнули два червовых короля и два вальта и присоединились к дамам. Один валет почему-то подмигивал мне и смешно задирает ножки в панталончиках. Меня мутило, а дядя Миша и тетя Лида громко и радостно хохотали. Затем дядя Миша сказал, поблескивая глазами, похожими на влажные сливы, тете Лиде: Пора, мон шер ами... Она взяла меня за руку, подняла со стула и раздела, медленно, как наверное раздевают манекены. Раздевала, гладила, возбуждала-целовала и все время насвистывала какую-то сладкую мелодию. Потом быстро разделась сама, легла на кровать и увлекла меня за собой. Дядя Миша был уже там. Как только я проник в пахнущую мускатным орехом тетю Лиду, в меня сзади проник дядя Миша. Не так, как вы подумали. Боли это проникновение мне не причинило. Мы превратились в живой, пульсирующий трехслойный бутерброд. Мечта моя – о близости с взрослой женщиной – осуществилась. Первым кончил дядя Миша.

Пока я заканчивал дело, он сидел за карточным столом и тасовал колоду. А вечером того же дня я расписал первую в моей жизни пульку. Никаких драм или сексуальных трагедий после этого в моей жизни не произошло. С сумасшедшей этой парочкой я встречался еще годы после этого лета.

Я многим им обязан. Они не только ввели меня в мир эроса, но и познакомили с книгами Гессе и Жан Поля. Открыли мне глаза на то, чем на самом деле был Советский Союз. И дали мне уроки терпимости к интимным предпочтениям других людей.

А в изумрудной бутылочке был абсент, к которому выездной дядя Миша пристрастился за границей.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО

Похожая история, только с другим концом, произошла со мной в декабре 1990 года в Кёльне.

Мне уже стукнуло тридцать девять, я закончил университет, отработал в различных НИИ 15 лет, имел троих детей, неоднократно участвовал в выставках художников-нонконформистов, имел мужество стать эмигрантом-невозвращенцем... но глубину моей наивности невозможно было измерить никаким лотом. Но жизнь измерила.

Да, кстати, ни педерастом-двустволкой, ни другим каким-нибудь секс-маргиналом после того моего приключения «у восьми озер» я не стал. Женился, как и положено, перед окончанием МГУ. По любви. Развелся через семь лет по той же причине. Женился еще раз. Был счастлив в обоих браках. Но погуливал... Да... я тогда в Германии рисовал, рисовал что было сил в «лагере» для контингентных беженцев, наслаждаясь тем, что не надо больше думать о Горбачеве, КГБ, Афганской войне, о «судьбах проклятой России» и о добывании хлеба насущного. Пособия моего вполне хватало на сытую жизнь.

И к декабрю собралась у меня толстая папка «энигматических рисунков», как я их тогда называл. Это были абстрактные композиции, напоминающие башни или башнеобразные висящие конструкции, призванные внутренним своим

многообразием привлекать и всасывать родственное многообразие зрителя и создавать вместе с ним некую общую мерцающую живую структуру... Как бы принадлежащую сразу трем мирам – миру графики, внутреннему миру сознания человека, представляющемуся мне как сюрреалистический ландшафт и миру возвышенно-метафизическому...

Небесному Иерусалиму.

К сожалению мои рисунки не были по-настоящему моими, а предательски напоминали иературы Михаила Шварцмана, который был одно время моим ментором, но грубо оттолкнул меня, когда заметил, что я ему подражаю.

Правильно сделал. Его талантом я не обладал и долгий путь по следам мастера свел бы меня с ума.

Но тогда, в девяностом, мне казалось, что я нашел наконец «свое воплощение».

Не такое мощное, как у Шварцмана, но жизнеспособное. Поэтому я решил осчастливить «бездуховный Запад» своей выставкой. Что я для этого сделал?

Купил фотоаппарат Полароид, сфотографировал им свои рисунки и начал рассылать крохотные фото в лучшие музеи Германии – в Мюнхенскую

Пинакотеку, в Дрезденскую галерею, в музей Людвиг. И еще в десяток других подобных собраний.

Безумие, глупость, наивность? Да.

И я это краешком разума чувствовал. Но меня, как это часто и бывает у дураков, собственное безумие вдохновляло, а не пугало...

Я считал его необходимым атрибутом гения и наслаждался им. Даже не смешно.

На мои письма с обратным адресом «лагерь для беженцев Глаухау» ответил только куратор графического собрания музея Людвиг, господин Д.. Он

пригласил меня на беседу, назначил термин на предрождественское время. Я собрал свои последние марки и поехал в Кёльн. С толстой папкой рисунков в брезентовой сумочке.

Я надеялся на то, что господин Д. расхвалит мою продукцию до небес и купит всю папку для музея, заплатит мне наличными тысяч тридцать, и я смогу остановиться в хорошем отеле... и даже покинуть навсегда осточертевшее саксонское захолустье.

Как это ни странно, но господин Д., симпатичный молодой человек,

действительно восторженно похвалил мои работы. Я принял похвалы как должное... не заметил, что это было лишь вежливое, но твердое НЕТ. Нет – дальнейшему сотрудничеству, нет – выставке, нет – деньгам.

Заметил я это только когда выходил из его роскошного кабинета, на стене которого висели работы Энди Уорхола, этого успешного профанатора, так нагло использовавшего невероятную дурость публики и алчность маршанов... которого, может быть именно из-за моего фиаско в Кёльне, я возненавидел позже лютой ненавистью. Он воплощал для меня самую разрушительную тенденцию современного искусства, приведшую к его самоуничтожению – стремление угодить тупой обывательской массе. Сейчас впрочем, я отношусь и к нему и к другим мусорщикам от искусства вроде Йозефа Бойса более терпимо. Каждый живет и рисует, как умеет.

Да... после того, как я вышел из музея на улицу... мне оставалось только пойти на мост и броситься в Рейн. Очень хотелось так и поступить. Но я знал – я выплыву. И все мои проблемы догонят меня как гончие псы – дичь.

Поэтому я на мост не пошел, а решил еще раз попытать счастье – в кёльнских коммерческих галереях, длинный список которых мне подарил на память господин Д..

Не буду описывать это долгое пешее путешествие по Кёльну с картой в руках. Всего я посетил тогда галерей двадцать пять. Обычно мне просто не открывали, услышав мой ломаный немецкий и мою русскую фамилию. Иногда открывали и вежливо объясняли, что не разговаривают с художниками «с улицы». Некоторые галерейщики даже пытались мне внушить, что «время русского искусства прошло», а мне лучше заняться чем-нибудь разумным, например, попытаться устроиться таксистом. Мои папку не открыл никто. До этого дело не дошло.

...

Один галерейщик, последний, папку все-таки открыл. Точнее, это была пара маршанов – муж и жена, господин Бенедикт и госпожа Гизела. Так мне запомнились их имена.

Эти люди пригласили меня в свою галерею, находящуюся на первом этаже современной виллы в голландском стиле, составленной из разноцветных бетонных кубиков, и провели по собранию живописи и пластики. Я был поражен

количеством и качеством картин и скульптур русского авангарда. Имена сверкали сильнее красок: Малевич, Кандинский, Татлин, Лисицкий, Ларионов... Чем-то эти люди сразу напомнили мне дядю Мишу и тетю Лиду. У госпожи Гизелы на пальцах было не меньше золотых колец, чем когда-то у тети Лиды, и разрез на ее шикарном платье напоминал тот разрез и то, что из него тогда выглядывало, а вальяжный господин Бенедикт носил дома такие же шорты и пеструю свободную рубашку, как дядя Миша «у восьми озер», был бос... и его глаза были тоже похожи на влажные сливы...

Я был склонен тогда к мистическим параллелям и пожалуй даже решил бы, что это именно они и есть – Миша и Лида... реинкарнация или что-то в этом роде, если бы не знал наверно, что дядя Миша уже лет пять как в могиле, а одинокая старушка тетя Лида доживает свой век в ленинградском доме для престарелых литераторов.

И я не удивился, когда после просмотра моей папочки... с жидкими комплиментами и похлопыванием по плечу... господин Бенедикт предложил мне выпить абсента. Из точно такой же изумрудной бутылочки.

...

После абсента я не галлюцинировал... мне было хорошо. Проклятый кельнский день, полный унижений, наконец кончился. Я общаюсь с настоящими знатоками русского искусства! Пью абсент...

Я и представить себе не мог, чем кончится наступивший вечер.

Мы сидели втроем за столом, господин Бенедикт курил сигару, госпожа Гизела – изящную серебряную трубочку, а я вертел в руках два нежно позванивающих металлических шарика фэн-шуй... Госпожа Гизела, кокетливо поглядывая на меня, отобрала у меня шарики и показала, как надо их вращать в руке.

Господин Бенедикт разглагольствовал о ситуации на рынке искусства. Понимал я только треть сказанного им. Мой немецкий не вышел еще из зачаточной стадии.

– Вы, господин Ш., слегка опоздали. Два года назад в Лондоне работы советских нонконформистов покупали по несколько тысяч фунтов за штуку. Кое с кем заключили многолетний договор. А теперь волна прошла, мода на русских сменилась разочарованием. Потому что влиятельные американские торговцы,

которые правят у нас бал, в искусстве действительно не понимают н и ч е г о – решили этот русский проект прикрыть. И сделали так, что в вас стало невыгодно инвестировать. А это – смертный приговор. Да-с. Мне нравятся ваши работы, хотя они... как бы это сказать... элитарные. А сейчас это не в ходу. Нужно, чтобы каждый болван понимал, что нарисовано и для чего. И побрутальнее. Предмет. Цвет. Фигура. Такое покупают. А вы – перемудрили. А это сейчас выглядит старомодным. А ваш апломб, право, только смех вызывает. Небесный Иерусалим... кому он нужен, когда в настоящий Иерусалим каждый поехать может? Но вы не расстраивайтесь. У меня есть одно предложение... Как вам у нас, нравится? У нас еще и бассейн есть... в подвале. Хотите прямо сейчас искупаться? Мы будем рады, если вы нам составите компанию. Поплаваем, побрызгаемся, побудем детьми... Потом поужинаем и поговорим всерьез. А перед этим еще рюмочку абсента. Я пью его без воды и без сахара.

Божественный напиток.

Не знаю, что со мной произошло, но я согласился на совместное купание. Хотя и понимал, что это глупо и может закончиться позитивным тестом на Спид.

Меня заинтриговали слова господина Бенедикта о «предложении и серьезном разговоре».

Пошли в подвал.

По дороге, на лестнице я вдруг почувствовал, что второй бокал абсента может не остаться без последствий. Меня пошатывало, поташнивало... и совсем непонятно почему, захотелось ударить господина Бенедикта по затылку большой никелированной фигурой рыбака с круглой дыркой вместо сердца.

У вас у всех дырки вместо сердца – думал я. Рыбаки засранные... Я тебе покажу «апломб». В морге будешь проповеди русским художникам читать, сволочь...

Приступ злобы однако прошел еще до того, как я увидел волнующуюся голубую водичку в бассейне.

Рядом с бассейном можно было принять душ, вода стекала в дырку в теплом кафельном полу. Я разделся, почему-то не стесняясь чужих людей, встал под душ, прополоскал рот, намылился душистым мылом...

Ко мне подошла госпожа Гизела и стала тереть меня мягкой трехцветной мочалкой. Я воспринял это как должное. Половые органы она мыла мне рукой.

Быстро добилась эрекции... а потом, весело хохоча прыгнула в бассейн. Брызги образовали на мгновение вокруг ее фигуры огромную корону.

Господин Бенедикт плыл брассом... фыркал и шумно дышал... его правильно поставленная улыбка источала достоинство и доброжелательность.

...

Поплавали. Побрызгались. Почувствовали себя детьми.

Под водой госпожа Гизела тихонько ласкала меня, а я отвечал ей тем же.

Вышли из воды. Господин Бенедикт подал мне шелковый халат с дракончиками и помпончиками.

Ужинали на верхней застекленной веранде, уставленной кадками с неизвестными мне растениями. Ели норвежских омаров под каким-то соусом, пили легкое вино.

После ужина у меня состоялся «серьезный разговор» с господином Бенедиктом.

Госпожа Гизела деликатно молчала, только незаметно для мужа делала мне глазки и иногда как бы случайно распахивала свой умопомрачительный халатик.

Под ним было только полупрозрачное черное белье сеточкой. Я возбуждался и нервничал.

Говорил собственно только господин Бенедикт.

Прежде чем я его тут процитирую, хочу спросить кое о чем читателя. Знаете ли вы, что самое трудное для эмигранта, плохо владеющего языком своей новой родины?

Уметь различать «серьезную» и «не серьезную» речь. Почувствовать, где правда, а где ирония, юмор, сарказм. Это и на родном-то языке не всегда легко, а на чужом – невозможно. Почему я спрашиваю?

Потому что то, что сказал мне тогда господин Бенедикт вовсе не было «серьезным разговором». И его «предложение» не было «серьезным предложением», а было скотским притворством, враньем, издевательством, ловушкой для высокопарного самовлюбленного дурака, для меня. И в этот капкан я всунул своё эго, свой уд и голову.

– Дорогой господин Ш., ваше искусство меня убедило... Я хочу заключить с вами коммерческое соглашение на год. Не буду бросать слова на ветер. У меня есть готовый бланк договора, остается только вписать в него ваше имя и

подписать. Вот он. Но прежде чем это сделать, объясню вам кратко ваши обязанности. Вы должны будете прожить весь год, начиная с завтрашнего дня, у нас в галерее. Вам предоставляется оплачиваемый двухнедельный отпуск. Но только после того, как вы отработаете у нас по крайней мере шесть месяцев. Рабочий день ваш – с десяти утра до шести вечера. Главная обязанность – рисовать и помогать нам в галерее. Убирать и чистить будет прислуга, вам придется подменять нас во время отпуска, разговаривать с покупателями, помогать нам развешивать картины для новой экспозиции. Кроме того, вы обязаны предоставлять нам для продажи не менее восьми цветных рисунков размером не меньше А4 в месяц. Авторское право на эти изображения останется у вас, сами работы станут собственностью галереи. Я оставляю за собой право рекомендовать вам стиль, материал, технику и цветовую гамму ваших рисунков. Мы предоставляем вам для жилья отдельную комнату на третьем этаже виллы со всеми удобствами, даже с небольшой встроенной кухней. Рисовать вы можете в большом зале галереи. Материалы, краски, холсты предоставим вам мы. Кроме того мы будем платить вам по две тысячи марок в месяц и оплатим все необходимые страховки. За каждый проданный рисунок вы будете получать премию в размере десяти процентов от продажной цены. Хочу еще заметить, что я не слепой и видел, как моя жена весьма фривольно заигрывала с вами, и вы на это отвечали так, как ответил бы любой другой на вашем месте. Заявляю вам официально, что и я и моя жена являемся свободными людьми и вольны делать в интимной сфере то, что каждому из нас приятно. Поэтому, не стесняйтесь.

...

Разумеется я подписал такой договор. И намотал на ус последнее поучение. Мне показали мою комнату. Я ей остался доволен. Мне пожелали спокойной ночи и оставили меня в покое.

Я сел в кресло у окна и стал смотреть на ночной Кёльн. Видел хорошо освещенный собор, несколько высоких зданий, телебашню, какие-то трубы на горизонте, из которых валил пар.

Я не знал, что думать, что чувствовать.

Радоваться? Да. Но все это – и вилла, и бассейн, и галерея, и госпожа Гизела с ее ласками, и странный господин Бенедикт, и предстоящий год труда, и договор –

казалось мне чем то вроде бутафории. Какой-то игрой.

Да... может быть и игра. Но договор – вот он. На прекрасной бумаге. И подписи и цифра прописью...

К сожалению все это и было игрой. Жестокой игрой богачей с бедняком. И договор наш был филькиной грамотой. Если бы я хотя бы удосужился тогда прочитать то, что подписываю... Но я доверял немцам.

Влез под атласное одеяло и задремал.

...

Но не заснул. Слишком был взволнован.

Через какое-то время дверь открылась и в комнату вошла женщина.

– Госпожа Гизела?

– Да, милый. Я пришла к тебе, чтобы провести с тобой ночь. Я принесла еще две рюмки абсента. Выпьешь?

Голос ее звучал как-то странно. Охрипла?

Мы выпили, я отвернул одеяло и она нырнула ко мне... обняла меня крепко, схватила меня за член и засунула свой язык мне в рот... жадно целовала мне грудь и живот... взяла член в рот, массируя яички сильной рукой.

Я к таким энергичным ласкам готов не был и кончил через минуту.

И тут... в комнату вошел еще кто-то и зажег свет.

Это была госпожа Гизела!

А у меня в ногах сидел... скорчившись от гомерического хохота, господин Бенедикт... с моей спермой на напомаженных губах, в парике, в специальном бюстгальтере с накладными поролоновыми грудями, в шелковом халатике и женском белье.

!!!

Госпожа Гизела тоже начала смеяться. А потом вдруг закашлялась, надулась как пузырь... и лопнула, оставив после себя только белые ошметки.

А господин Бенедикт начал танцевать джигу и прошелся вихрем по комнате и по потолку. Подлетел ко мне и заорал прямо в лицо, бешено вращая своими глазами-сливами: Убирайся! Убирайся отсюда, кретин! Вызываю полицию.

Я схватил свою одежду и обувь, и пролетев молнией четыре пролета лестницы и опрокинув стоящие на ней металлические скульптуры, которые с грохотом

упали и разлетелись на куски, выбежал на улицу.

Папку в суматохе забыл.

Когда я одевался, на третьем этаже виллы кто-то открыл окно и швырнул из него мне под ноги мою папку с рисунками. Я услышал смех и ругательства...

Рисунки вылетели от удара об асфальт из папки как ласточки из норы на обрыве.

Проезжающий в этот момент мимо меня красненький Опель Омега порвал часть рисунков, поволок их с собой. По оставшимся проехал тяжелый старый Мерседес и замазал их грязью...

Я сидел на тротуаре и смотрел, как машины уничтожают мой Небесный Иерусалим. Мою мечту.

Кажется, в эту горькую минуту я и понял, что такое на самом деле современное искусство.

НЕВЫПОЛНЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Третья похожая история случилась со мной позавчера.

ПОЗАВЧЕРА!

Из-за нее я и первые две истории вспомнил и записал. Сидя тут, в камере.

Да... Шатает меня, носит черт знает где, видите, в прошлое бросило... потому что будущего у меня больше нет... четыре стены вокруг, окно с решеткой... а кому прошлое интересно, да еще и чужое?

Третья история будет еще круче первых двух. Обещаю. И закончится весьма и весьма кроваво, так что если у вас нервишки... того... то лучше про животных что-нибудь посмотрите по телевизору. Про животных? Сказанул. Вот уж где кровища как вода льется... ад без конца... беспредельщина и каннибализм.

Природа.

Неделю назад я получил по почте письмо, от поклонницы. Цитирую письмо по памяти (оригинал забрали полицейские):

Дорогой Ш., мой муж и я – верные поклонники вашей прозы. Давно мечтаем познакомиться с вами. Приглашаем вас к себе на ужин. Меню – жульен из шампиньонов и черепашьего мяса, жаркое из косули, тирамизу с клубникой. Из

питья – швейцарский абсент «Ангелик» с мадонной на этикетке, приготовленный по оригинальной технологии.

Посидим, поедим, поболтаем. Если у вас будет желание, расскажете нам что-либо о вашем творчестве, а мы познакомим вас с нашим особенным хобби. Хи-хи.

Будем ждать вас в воскресенье, начиная с шести вечера, в Шарлоттенбурге, на улице такой-то, в доме номер... Вход в подъезд – со двора. Лифт, третий этаж, квартира справа, там, где пальма и зеркало.

Приходите! Ждем!

Ли и Эд М.

...

Ехать в Шарлоттенбург мне естественно не хотелось. Отъездился я уже. Новых людей не хочу видеть, также как давно уже не хочу читать новые книги. Ну разве что моих знакомых писателей иной раз по диагонали почитаю – для того, чтобы было о чем говорить при встрече...

Верные поклонники моей прозы? Что-то не верится. Мазохисты? И это самое «хи-хи» меня озадачило. Может, психованная какая тетка? Писатели – как магниты железный мусор – притягивают к себе всяческих психопатов. И гнойных графоманов и великих прожектеров, революционеров, мечтателей и просто дураков. Рыбак рыбака...

И ее жульен с тирамизу мне есть не хотелось, может и гастрит разыграться, буду мучиться потом целый год... из-за вкусной жратвы... обидно и несправедливо, другие вон как жрут... а я хоть и толстяк, а горло тонкое, как у аиста.

И упоминание об абсенте меня озадачило. Неспроста она его упомянула! Или у нее потрясающая интуиция или она что-то где-то обо мне вынюхала и ей чего-то от меня надо... Хм... Что?

И это «особенное хобби» тоже как-то странно прозвучало в письме. Что она имеет в виду? На живца ловит?

Меня? Старика... почти без средств?

Что ей все-таки от меня надо? Душу что ли вынуть хочет и дьяволу продать? Так ведь давно продана, как и у всех у нас, бывших советских. Да... дилемма.

Жаркое из косули – это звучит гордо. Последний раз ел на общем собрании

товарищества художников «Латерне». Вкуснятина. Но тогда косулю эту Холькер сам в лесу пристрелил, бедняжку, свеживал... а затем сам и приготовил, в красном уксусе три дня отмачивал, обжарил и пять часов в духовке запекал... все, как полагается... мастер... паучий король. Вся квартира в аквариумах с пауками. А жены нет. Убежала от пауков.

Решил поехать в Шарлоттенбург. Если что не так... вильну хвостиком и слиняю. Поехал.

Уже в с-бане начались знамения. Недобрые.

Собачка на меня вдруг залаяла. Не злая. Шпиц. Просто зашла в лае. Хотела укусить, но ее хозяйка оттащила. Чем я ее разозлил? Сидел себе мирно за два ряда от нее. Вот же скверная псина! Что-то она почувствовала. Излучение какое что ли? Неужели просто от мыслей голова начинает что-то такое излучать? Я ведь тогда об этом самом «особенном хобби» моих приглашателей подумал. И об этом гаденьком «хи-хи». Занесла меня фантазия далеко-далеко...

Что же это, даже подумать о таком нельзя? Начнешь излучать какой-нибудь ультрафиолет и псы на тебя накинутся как на зомби... а потом и люди.

А когда выходил из с-бана на остановке Шарлоттенбург ко мне нищий привязался. Молодой такой паренек. Худой как скелет, шея синяя, лицо как у птицы...

Глазенками сверкает, пальцами цепляется за мою куртку, хрипит что-то. Я достал монетку – два евро, с портретом Данте, подал ему. Он монетку схватил... я заметил, что он ужасно на Данте этого похож, только грязен.

Я от него убежал. Мало ли что. Нищий догонять меня не стал, но прокричал несколько раз истошным голосом: Не ходи туда!

И пальцем свои костлявым показал как раз туда, куда мне идти надо было. А потом подбежал к другому прохожему и вцепился в него...

А когда я у входа звонил, чтобы дверь открыли, увидел над фасадом лепное украшение, вроде гаргульи... голову оленя с рогами и с высунутым языком...

И сразу же догадался, что сейчас произойдет. Так и вышло – голова ожила, язык ее покраснел, глаза заморгали, а рога немного выросли. Гипсовый олень противно улыбнулся и кивнул. Так кивают старому знакомому. Или долгожданному гостю.

Опять занесло меня в фильм категории Б. Судьба.

Ну что же, посмотрим, что на этот раз придумали сценаристы. Развязать все узелки в конце будет трудно. А разрубить их топором у них не хватит мужества.

Придется переключивать с больной головы на здоровую... или наоборот.

Вручать топор персонажу.

Я поднялся на лифте на третий этаж и позвонил в дверь рядом с искусственной пальмой и треснувшим зеркалом в богатых бронзовых рамах.

...

Мне открыла седая женщина лет шестидесяти в простом открытом платье, не прикрывающем коленей. Лицо ее показалось мне грубоватым. Прекрасно, впрочем, сохранилась дамочка. Зубы отбелены. Кожа ухожена. Сексапильная вполне.

Где-то в глубине коридора замаячил ее муж, неловко изображая своим приталенным торсом и узкими плечами смущение и гостеприимство...

Эд был лысеват. Горбонос. Худ. Под темной жилеткой – белая неглаженная рубашка. Брюки были пожалуй слишком широки для его худых бедер.

Остроносые темные ботинки.

Эд курил сигарету и смотрел себе под ноги.

– Как же я рада, – воскликнула Ли.

– Как мы рады, – пробасил Эд и затаился.

– Очень, очень приятно, – выдавил я, хотя в душе уже проклинал себя за то, что сюда притащился. Но приятный запах жаркого примирил меня с жизнью, и я даже смог изобразить на лице что-то похожее на приветливость.

Мы с Ли сухо расцеловались. Эд несколько раз поклонился на бок.

Прошли в гостиную.

Эта большая, метров сорок квадратных, комната поразила меня своей простотой, пустотой.

Два темно-синих кресла. Несколько стульев. Квадратный стол. На столе четыре тарелки с приборами, рюмки и зеленая бутылка. Два больших, зашторенных охряным полотном окна. На стене – зеркало. Под ним комод. На комод – графин с водой. Пол заляпан краской. Большой старомодный мольберт в углу. Несколько больших картин, прислоненных к стене лицевыми сторонами.

Видимо прочитав мои мысли, Ли сказала: Эту комнату мы используем как мастерскую. И Эд и я – художники. Это наше хобби. Но наши картины мы вам показывать боимся. Начнете еще критиковать...

Ага. Вот хобби и разъяснилось, работают, работают, а по уик-эндам немножечко малюют... а меня куда в с-бане занесло... мурашки по коже.

Вечер наверное будет смертельно скучный.

– Ну почему же, я ведь не житомирский податный инспектор... Чего меня боятся?

– Bravo! Это из Булгакова.

Тут только до меня наконец дошло, что она говорит со мной на выученном русском, правильно, но как-то безжизненно.

– Мы слависты. Живем в Бостоне. У нас годовой отпуск. Путешествуем по Европе. Были в России, Польше и Чехии. Уже три месяца в Берлине. Тут полно русских и поляков. Мы читали ваши книги. Очень интересно пишете, живо!

– Преподаете?

– Да, и преподаем. Я преподаю русский, польский и чешский. А Эд недавно прочитал годовой курс «Нарративный дискурс Набокова и Хоппер».

– Понимаю. Хоппер? Деннис? Фотограф из Апокалипсиса? Нет, конечно, Эдвард... да-да... Девушка на лугу. Этот тип, и его модели, и интерьеры, и маяки, и сама Америка – так одиноки и меланхоличны, непонятно, зачем они собственно нужны... ошибка человечества, как сказал Фрейд... и нарцисс Набок понимает это, но, как эмигрант, не может позволить себе так показывать новую родину, не может ни на один процент стать маргиналом, он всегда должен быть совершенством, магом, гроссмейстером, поэтому он маскирует свою глубокую меланхолию и свое американское одиночество бабочками, шахматной доской и лолитками, которых по-видимому сам терпеть не мог, до того холодно он описывает горячий секс с ними... наспиговывает свою прозу ледяными загадками... как баранину изюмом.

– Bravo, bravo! Очень, очень интересно. Только у Эда другой концепт.

Тут в нашу беседу вмешался Эд. Он жестами пригласил меня сесть за стол и что-то быстро сказал Ли по-английски. И одарил меня растерянной улыбкой. Ли убежала.

Судя по запаху, жаркое подгорело. Из кухни слышалось хлопотливое оханье Ли.

...

Вместо того, чтобы сесть, я подошел к картинам, поднял одну из них и повернул изображением к себе. Почувствовал спиной и услышал, как дернулся и закричал Эд.

Не сразу понял, что собственно на ней изображено. А когда понял, то пристально посмотрел Эду в глаза. Я не был возмущен... я не ханжа... и мои сексуальные фантазии всегда убегали далеко от мира так называемых порядочных людей... мне было лишь интересно, фантазия это или реальность... Но Эд был непроницаем.

На картине была довольно точно изображена та самая комната, в которой мы находились, ничего не было забыто, даже графин с водой на комодке стоял...

На одном темно-синем кресле развалился Эд, в той же одежде, что и сейчас... а на коленях у него сидел худенький мальчик-негритенок, обняв его длинными бедрами и руками, доверчиво положив курчавую головку ему на грудь. Его толстые губы вытянулись и как бы хотели поцеловать пуговицу жилетки.

На другом кресле сидела старушка Ли в знакомом платье и внимательно смотрела на Эда и мальчика. Правая рука ее была под платьем.

Вот так слависты! Славное хобби!

Эд вздохнул, закурил сигарету и подошел к открытому настежь окну, из которого было видно набережную Шпрее и парк за ней. По парку бегали турецкие дети, шныряли собаки и туристы, важно прогуливались зажиточные бюргеры.

– Какая идиллия, – сказал Эд, махнув рукой в сторону парка.

– Овечки бегают, не замечая того, что на них смотрит волк.

– Дорогой господин Ш., мы с Ли действительно прочитали ваши рассказы. Так что не надо тут строить из себя праведника. И вы и я прекрасно знаем, кто тут на самом деле волк. Вы можете сколько угодно дурачить вашу русскую публику, но меня вам не обмануть. Я знаю, что вы законченный, бесстыжий и наглый развратник. И то, что вы предаетесь вашим порокам в тексте, а не в реальности, да еще и под различными личинами, доказывает то, что вы еще и трус.

– Так поступает любой писатель... в этом единственный смысл творчества.

– Вы редкостный циник, господин Ш., все ваши тексты – изощренное издевательство над публикой, которую вы втягиваете в ваш ужасный мир, состоящий из отчаяния и порока. Поэтому вы нас и заинтересовали.

– Рыбак рыбака? Знаем. Все эти инфантильные слова – развратник, циник – не имеют для меня никакого смысла... Оставьте это сотрясение воздуха неопитам. Кстати, а мальчик-то где? В соседней комнате? Или уже в могиле? Полицию когда вызывать будем?

– Мальчик? Какой такой мальчик? Вы видите на этой картине мальчика? И кого еще? Хотите вызывать полицию из-за этой картины? А почему не из-за ваших рассказов? Напомнить каких?

– Не придуривайтесь, Эд. Вы зачем меня сюда позвали? Для шантажа? Или опытом поделиться хотите?

Эд не успел ответить, в комнату вошла Ли с блюдом жаркого, бросила украдкой взгляд на картину, вспыхнула, но сдержала себя, ничего не сказала, поставило блюдо на стол и убежала в кухню. Принесла минеральную воду, хлеб, тушеную красную капусту, клюквенный соус и обещанный в письме жульен. Пир на весь мир!

Мы с Эдом сели напротив друг друга, Ли – по правую руку от меня. Я спросил Ли подчеркнуто незаинтересованно: А кому предназначен четвертый прибор? Ли не ответила... бросила беспомощный взгляд на мужа. Эд недобро сверкнул глазом и заиграл желваками.

– Что, Гоша... ведь так вас звали в детстве? Почуяли запах крови? Погодите, имейте терпение, все разъяснится в свое время. Мы еще абсент не пили. Вы кстати, других картин не видели, они, возможно, заинтересуют вас больше этой... кхе-кхе... девушки перед окном. Может быть, вы все-таки расскажете нам, что вы видите на этой картине. В подробностях. Это очень интересно... Что это он за бред несет? Он что, что-то другое видит на картине? Никогда не верил в подобную мистическую чепуху. Хотя для Б-фильма самый раз. Как в «Пасти безумия». Не хватает только этого мордоворота Ктулху с осьминожьими щупальцами, растущими из пасти. Какой вздор!

...

Ели мы молча.

От десерта и кофе я отказался. Чувствовал, что предстоит жестокий поединок, не хотел перегружать себя.

После еды Ли убрала со стола все, кроме рюмок и бутылки абсента.

Явился сахар, специальные ложки и ледяная вода из холодильника.

Эд пил абсент просто смешав его с водой. Ли, как и положено, цедила воду сквозь сахар. Я выпил грамм пятьдесят чистого.

Тут же закружилась голова. Затошнило.

Реальность как бы освободила меня от своего гнета, раздвинула свинцовые тиски. Захотелось взлететь и выпорхнуть через открытое окно на улицу, полетать над парком и рекой. Я бодро встал и повернул следующую картину... впился в нее глазами.

Эд и Ли тоже посмотрели на полотно... покачивали головами... хмыкали... добродушно улыбались. Очевидно они не видели на нем ни жутких сцен сексуального насилия над детьми, ни пыток, ни казней.

Неужели Эд прав, и в моих рассказах я...

Или во всем виноват этот ужасный напиток?